

происходит обычно в каких-то экзотических, подчеркнута нерядовых обстоятельствах, позволяющих придать рассказу причудливо романтическую или авантюрную форму. Повесть «Хабу», например, рассказывает о прокладке дороги где-то на дальнем севере, где упорная и вдохновенная воля руководителя строительства коммуниста Зелликмана наталкивается на сопротивление местного населения, напоминающего неких абстрактных колонизируемых «туземцев». От этого происходит в повести особая, почти условная острота действия и эффектность колорита. В «Путешествии в страну, которой еще нет» рассказывается как будто об обыкновенно прозаическом и сугубо деловом акте — о победе правильного направления в поисках залежей нефти где-то на кавказском месторождении. Но ситуация, напоминающая пьесу А. Крона «Глубокая разведка», отнесена здесь куда-то в условную долину Тба, в поселок, занимаемый сектой баптистов, в обстоятельства слишком неожиданных встреч и странных совпадений, и все, что здесь происходит, ощущается читателем в двух планах — в одном вполне реальном и в другом — выдуманно-экзотическом, почти символическом плане. Такова же насквозь условная, многозначительно мистификационная и страшно увлекательная повесть «Возвращение Будды». На фоне реалистически изображенной революционной российской действительности плетется удивительно нереальный рассказ о необыкновенном профессоре, который через всю страну везет в дар народам Азии необыкновенную статую Будды, и о том, как статую его сопровождает необыкновенный буддийский монах в форме русского офицера.

Во всем этом сказано давнее, идущее от «Серапионов», недоверие писателя к простоте и реальным соотношениям вещей и искусства. Здесь еще слишком дает себя знать пресловутое «костранение», вызывающе искусственная обработка сырого жизненного материала, пропагандировавшаяся в те годы формальной школой в литературоведении и критике.

Характерные черты многих произведений Вс. Иванова, относящихся к этому периоду, — культ иронии, иронического осмысления жизненных фактов. В «Повестях бригадира М. М. Синицына», рассказывающих о трудовой современности, это ироническое осмысление достигается формой рассказа, вложенного в уста человеку, чья речь изобилует штампами газетной и ходовой пропагандистской торжественной фразеологии. Таким образом ирония возникает здесь порой из бурлескного несоответствия существа дела тому ораторскому слогу, каким об этом повествуется. Типичный служебный анекдот здесь излагается стилем воззваний и речей — таков рассказ «Бухгалтер Г. О. Сурков, честно погибший за свою идею».

Наиболее значительным произведением этого периода в творчестве Вс. Иванова явился уже упомянутый роман «Путешествие в страну, которой еще нет». В нем писатель во многом приближается к цели, столь долго не дававшейся ему, — художественно отобразить трудовую героиню советской жизни, показать ее ведущие начала.

Главное действующее лицо повести — коммунист ученый-геолог Павликов, человек авантюрной судьбы, герой большевистского подполья и гражданской войны, олицетворяющий «волю и целеустремленность», борется за начало разработок нефти в южной долине Тба. Автор создает еще во многом условный, абстрактный образ. Нельзя согласиться с целым рядом нарочитостей, которые есть в его описании: малоестественный для такого человека высокомерно загадочный и позерский склад ума, порой дешевая ирония над всем святым, что у него есть в жизни: «Мне бессмертие не нужно, я еще по старческому маразму могу в какой-нибудь уклон власть и тем навредить республике!» Но в то же время в образе Павликова, в его размышлениях иногда звучит высокое и светлое чувство социалистического энтузиазма, любви к своей стране, восторг от сознания величия эпохи, в которую ему приходится жить и работать. Для выражения этих чувств Вс. Иванов находит исключительно весомые прекрасные слова: «Человечество жило в чудовищно прекрасные дни, каких оно не видало никогда раньше! Над океанами и над материками проносились летающие корабли, люди разговаривали друг с другом на расстоянии тысяч километров, исчезли религии; величайшие художники и философы воспевали радости жизни; строили гороподобные здания, и население столицы и городов во много раз превышало некогда блиставшие царства древних. На земле исполнилось все то, о чем писали утописты, книги которых наконец-то стали смешными и наивными, и вот на гигантских равнинах, называемых некогда Российской империей, произошло самое чудеснейшее из чудес земли...» Далее говорится о тех великолепных преобразованиях, которые произошли за короткий срок на нашей земле, и о том, что мысль о построении социализма «ясна, и прекрасна, и выполнима и люди, казалось, должны бы плакать от умиления, что живут и видят такую эпоху...» Таким должен был быть пафос романа Вс. Иванова. Автор хотел показать бывших героев революции на новом участке борьбы, объяснить новые судьбы людей. «А что вы делали после 20 года, солдаты танка пять со звездой?» — этот вопрос главный в романе. Но этому во многом помешали недостатки и идейного и художественного характера. В романе странным образом вновь возникает противопоставление организаторской воли, «разума» — человеческой натуре в ее первобытно-стихийных проявлениях. Образ пастуха Рентулича, являющегося на страницах романа в виде какого-то толстовского дяди Ерошки, служит в определенном смысле антитезой Павликова по одной и той же вечной схеме. Уход к Рентуличу жены Павликова лишь подчеркивает весь «драматизм» этой коллизии, мнимость которой очевидна.

На страницах романа Павликов как-то размышляет о главной истине нашего века, принятой миллионами, истине, которая «заключалась в том, что недостойно звания человека работать так, чтобы его трудом пользовался другой, лентяй, может быть, или «негодяй». Помимо некоторой односторонности этой мысли (ибо еще более недостойно звания человека пользоваться трудом другого), здесь выявляется роковая для романа наивная концепция подмены